

ЦИКЛОН НАД ТРАНСКЕЕМ

В наши дни, потерпев поражение в открытом бою против национально-освободительного движения в Азии и Африке, империалисты прибегают к широкой подрывной деятельности, осуществляемой разведывательными службами. Они объединяют свои усилия, выступая часто единым фронтом, простиравшимся от Вьетнама до Южной Африки.

Разоблачению подрывной деятельности империализма против свободлюбивых народов мира и посвящается повесть Льва Берингова «Циклон над Транскеем». Описываемые в ней события основываются на современном фактическом материале, на документальных данных.

Повесть печатается с сокращениями.

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ЗАСАДА

 АУЛЬ Борг, инспектор Федеральной разведывательной службы ФРГ, стоял у Бранденбургских ворот. Четверка бронзовых коней взнеслась на дыбы, готовая мчаться по Унтер-ден-Линден, мимо здания Оперы, к кирпичному четырехграннику городской ратуши. В иной мир, где рядом с почерневшими останками старого города встали светлые кубы и параллелепипеды новых домов. Но вдоль проволочных рогаток, протянувшихся на той стороне редкими рядами вплоть до шлагбаума, прогуливались солдаты в касках, похожих на вытянутые назад миски, с длинными русскими автоматами. И зеленые кони навсегда застыли в воздухе.

Пауль оглянулся. Рядом с его скромным «Мерседес-Бенцем» уже пристроился черный «Фольксваген» с мюнхенским регистрационным номером, напоминавший горбатого клопа. Что ж, парни могли работать в открытую.

Пауль недобро усмехнулся. Его угрюмое лицо с жесткими складками у рта приняло брюзгливое старческое выражение, хотя в действительности ему еще не исполнилось и сорока. Рывок в две-три метра, зигзагом, броском, перебежками — те, в «Фольксвагене», от неожиданности наверняка промахнутся — и жизнь можно будет начать сначала, сбросить с плеч обузу постоянной опасности, может быть, даже завести собственную семью где-нибудь в Карл-Маркс-Штадте, который был когда-то родным городом и уютно звался Хемницем.

Пауль достал из кармана пачку сигарет, ловким щелчком послал в рот длинный патрон «Мальборо», щелкнул зажигалкой и выпустил в сторону серых колонн струю душистого дыма, словно отталкивая от себя нелепое видение.

Только глупцы воображают, будто судьба находится в их руках и возможно изменить предначертание. Человек подобен поезду на рельсах. Ему кажется, будто он движется вперед или назад по своей колее, произвольно меняя стрелки маршрутов. В действительности же им руководит сложная система светофоров, дорожных знаков и жесткие законы диспетчерских предписаний.

Если говорить серьезно, на Восток хода нет и быть не может, хотя коммунисты вряд ли посчи-

тают нужным поставить ему в вину прошлое отца, полковника войск СС, известного в Третьем рейхе под именем Фрица Гробба, особо доверенного уполномоченного фон Папена в Афганистане и Ираке. Отцу повезло: он не числился военным преступником, хотя в его послужной список наряду со многими прочими подвигами маэстро плаща и кинжала были занесены организация военного переворота в Багдаде, убийство короля Гази и поджог иракского нефтепровода, который произошел в самый разгар многонедельного воздушного боя, сотрясавшего небо над Ла-Маншем и Лондоном. Но в конечном итоге все это, можно сказать, осуществлялось в рамках борьбы с британским империализмом. А в настоящей борьбе допустимы, конечно, любые приемы. Можно, даже нужно ради абсолютной победы бить лежачего и наносить все самые запрещенные удары. Пещерные предки в схватке с саблезубым тигром вряд ли придерживались сложного кодекса рыцарских турниров; победителей не судят, но горе побежденному.

Именно этим принципом и руководствовался Пауль Борг, когда летом прошлого года, после диверсии под Магдебургом, во главе группы подрывников ему пришлось, отстреливаясь и отбиваясь гранатами, прорываться сквозь зональную границу. Сами они потеряли четырех людей, не успев даже пристрелить раненых. Их преследовали вертолеты. Нет сомнения, личность Борга с тех пор стала хорошо известна и в Панкове и в Москве как одного из наиболее опасных боевиков Федеральной разведывательной службы ФРГ, этого западногерманского ЦРУ.

При таком раскладе карт для успешного торга с Востоком следовало бы захватить с собой достаточно ценный товар; ничем подобным Пауль пока не располагал, хотя последний разговор с шефом заставил бы призадуматься главу любой сверхдержавы.

Пауль оглянулся вокруг, не нашел урны и затолкал окурки ногой в решетку водостока. Небо осунулось вниз грязными зимними тучами, сея мелкой дождевой пылью по зеленым еще газонам Тиргартена и аспидному асфальту, рассеянному белыми полосами пешеходных дорожек.

Пауль поднял воротник плаща; светлая замша выгодно оттеняла бурый загар гладкой кожи. Затем он повернулся спиной к Бранденбургским

воротам и, давя опавшие листья, направился к своей машине. Состояние душевной сумятицы всегда охватывало Пауля перед выполнением серьезного задания. Но всякий раз, когда возникало сомнение, Пауль старался максимально воплотиться в свое новое воображаемое качество, реально представить его себе, даже в какой-то степени пережить и, может быть, отказаться от задуманного. Перспектива существования по ту сторону Бранденбургских ворот даже при условии всепрощения сразу показалась невыносимой. Лучше смерть.

Включая зажигание, Пауль поразился, как могла ему прийти в голову нелепая мысль бежать к красным. Его большой сухой рот презрительно скривился. Удел сильного — вершить судьбами планеты, быть хозяином истории, чтобы, умирая, можно было сказать себе: жизнь прожита на одном дыхании, словно захватывающий приключенческий фильм, в котором было много роскоши, красивых женщин, невысказанных рискованных ситуаций и постоянной смены впечатлений и континентов.

Пауль дал сигнал левого поворота, мягко тронул машину с места и, быстро набирая скорость, повел ее вперед, в синие сумерки. Выпуклый лоб черного «Фольксвагена» упрямо уставился в зеркало заднего обзора зрачками подфарников.

Не пытаясь ускользнуть в потоке автомашин от своих преследователей, Пауль оставил справа аристократические кварталы Шарлоттенбурга, миновал черную гладь Хавеля, над которой днем летали крикливые чайки (а сейчас в реке отражались зеленые звезды ртутных фонарей), дважды повернул налево и спустя полчаса затормозил в конце неширокой полуосвещенной улицы, обсаженной коренастыми деревьями, за которыми на значительном удалении друг от друга разместились одинаковые одноэтажные виллы зажиточных бюргеров. В некоторых коттеджах окна были освещены; хозяева других, судя по всему, отсутствовали. Рядом с каждой виллой, окруженной редкими фруктовыми посадками с еще не опавшей листвой, размещался стандартный полукруглый гараж из оцинкованного железа.

Откуда-то доносились звуки бодрой музыки. Все вокруг дышало миром и вечерним покоем. Гул и скрежет городских магистралей остался за горизонтом, где переливались россыпью огней и пульсировали, как живые существа, великаны большого города. Здесь же, на самой окраине Берлина, воздух был уже по-деревенски свеж, сонно пахло мокрой землей и осенней прелью.

Пауль неуклюже вытащил длинные ноги из машины, прошел в сад, открыл дверь гаража и, возвращаясь назад, внимательно осмотрел окрестности. «Фольксваген» сгорбился неподалеку, за ветровым стеклом автомобиля мерцали красные светлячки сигарет. Пауль знал, что каждый жест его фиксируется четырьмя парами глаз, которым поручено следить за ним, пока он благополучно не сядет в самолет и не взлетит в воздух курсом Берлин — Бонн — Париж — Мадагаскар. Там его встретят другие. С того момента как Пауль ответил согласием на предложение шефа, он был взят под наблюдение, которое одинаково можно было считать и охраной и конвоем. Таковы правила игры. Он может остаться один только в самый последний момент, когда ничего уже нельзя будет изменить.

Подобного никому еще не приходилось осуществлять за все время существования на земле

секретных служб! — высокопарно заявил на прощание Старик и, вопреки своим привычкам, пожал ему кисть крепкой сухой ладонью.

— В ваши руки мы вкладываем судьбу Великой Германии и будущее всей Европы! — добавил он, провожая Пауля до дверей кабинета, что тоже не входило в его правила.

На основании одного этого можно было сделать вывод, что шеф не надеется увидеть своего подчиненного в живых никогда впредь. В Пуллахе это называлось безвозвратной миссией¹. Подумав об этом, Пауль зло сплюнул и грузно поднялся по ступенькам высокого крыльца виллы.

Прежде чем набрать сложный шифр замка, он привычно взглянул в верхний угол двери. Белая нитка, будто случайно зацепившаяся за косяк, была на месте. Но тем не менее Пауль сунул правую руку в карман, вдел пальцы в отверстия тяжелого кастета и только тогда левой рукой медленно приоткрыл дверь. В холле автоматически вспыхнул свет, дверь захлопнулась, и в ту же секунду кто-то резко дернул на себя джутовый коврик.

Пауль пошатнулся, но удержался на ногах, заученным приемом перебросил противника через бедро и ударом кастета раздробил ему затылок. Тот глухо захрипел. По инерции Пауль упал боком на колени, хотел оттолкнуться руками от пола, но в то же мгновение в шею ему вонзилась острая игла, он не успел даже оглянуться. В последнюю долю секунды где-то в клетках мозга всплыл силуэт горбатого «Фольксвагена». «Какие кретины!» — подумал Пауль, и все стало вдруг безразличным и поплыло, и свет померк, потом погас совсем.

Он пришел в себя в собственном кабинете; в глаза бил яркий луч настольной лампы. Их было четверо. Один стоял у зашторенного окна, двое вытиснулись у двери, а четвертый уселся на письменном столе, сдвинув в сторону стопку журналов. Пауль попытался вскочить на ноги, но связанные за спинкой кресла локти рванули его назад.

— Спокойно, мой милый герр Борг! — негромко сказал сидящий на столе с мягким баварским акцентом. — Вам ровно ничего не грозит. Вы среди друзей!

Баварец опустил козырек лампы так, что в комнате сделался полумрак, и сполз со стола, зашуршав кожаным пальто. Массивный и коренастый, он оказался намного ниже ростом, чем его гориллообразные спутники — все с короткими шеями, в белых мотоциклетных касках и черных кожаных куртках, у каждого в руке была дубинка.

«Как они могли незаметно проникнуть в дом? — удивленно подумал Пауль. — Ведь в Пуллахе об этой вилле знают только трое. Видимо, происходит утечка информации. Может быть, это парни из разведки бундесвера? Непохоже, слишком много бутафории. Или еще одна проверка? Тоже вряд ли. Это не профессионалы».

— Я не привык беседовать со связанными руками! — заявил он, шевеля онемевшими запястьями. — Прежде всего развяжите мне руки, я хочу курить!

В действительности гораздо больше хотелось пить. В горле пересохло, как после наркоза. Но

¹ В Пуллахе, под Мюнхеном, находится резиденция «Бундеспахрихтендентс» (БНД) — Федеральной разведывательной службы ФРГ.

сознание его уже окончательно прояснилось, хотя в висках еще звенело и быстро и гулко стучало сердце.

Баварец кивнул головой горилле у окна. Тот пристегнул дубинку к поясу и, скрипя паркетом, подошел, нагнулся над спинкой кресла, обдал Пауля кислым запахом пива и дешевых сигарет, быстро и ловко распутал узел (связали брючным ремнем). Угрожающе сопя, навис над спиной. Щелкнул запор отстегиваемой дубинки.

— Мы доверяем вам, господин Борг, — произнес баварец, тускло поблескивая стеклами очков. Голова его была гладко выбрита, черты лица слабо различимы в полумраке, и все же Пауль сразу решил, что тот напоминает ему кого-то знакомого; потом вспомнил: Гиммлер, конечно. Очень похож.

— Позвольте представиться, — сказал баварец, снимая очки и протирая их платком. Этим мирным жестом он хотел, видимо, дать понять Паулю, что питает к нему доверие и рассчитывает на взаимность. — Мое имя Лорхе. Герберт Лорхе. Можете звать меня просто Герберт. Я уверен, мы с вами подружимся, герр Борг.

Лорхе надел очки и, не двигаясь с места, исподлобья взглянул на Пауля, ожидая ответной реакции. Пауль достал из кармана смятый пакет «Мальборо», выбил в рот сигарету и выходяще посмотрел на Лорхе. Тот щелкнул двумя пальцами, словно подзывая кельнера. Горилла сзади нагнулся, услужливо поднося зажигалку, и снова обдал Пауля раздражающим запахом дешевого пива и едкого табачного перегара.

Отработанным приемом Пауль нанес ему удар снизу вверх головой в подбородок и тут же стремительным броском сбоку обрушился на гориллу слева у двери, навалился всем телом, ломая ему бедро. Грохот падения двух грузных тел, стон и крик и удивленный возглас Лорхе раздались одновременно; Пауль успел еще выбить ногой дубинку у гориллы справа, но в то же время наркотизирующая игла снова впилась Паулю в шею, парализуя волю и мышцы.

ВСТРЕЧА В ОКЕАНЕ

Загребая рукой прозрачные горсти забортной океанской воды, Леланд Брамли недовольно пробурчал:

— В «Мауна-кеа» номер обходится мне в сто двадцать долларов за ночь! Пиратские нравы у вас на Гавайских островах, генерал!

Прогулочный катамаран покачивался на воде, словно желтая бабочка; океан спокойно дышал, и только вдали, где из ярко-синей воды всплывали фиолетовые горы, он опоясался пенной лентой прибоя. Небоскребы гостиниц вдоль пляжей Вайкики-бич казались цепочкой светлых раковин, выброшенных на берег во время тайфуна. Рядом с удлиненным конусом потухшего вулкана Алмазная голова серела плешина военной базы; там то и дело вспыхивали солнечные зайчики зеркал гелиостанции.

Генерал армии США Эдвард Смит перевалился на живот, подставив солнцу правый бок, где на загорелом плече виднелся кривой рубец тяжелого ранения. Его продолговатое лицо было молодавым, а густые седые волосы и черные мохнатые брови подчеркивали упругую свежесть щек человека, который в детстве потребил пол-

ностью положенную ему дозу витаминов и минеральных солей.

— Надо кончать с господством штатских либералов в государственных делах! — произнес генерал. Его хрипловатый баритон звучал решительно. — Если бы не вмешательство семидесяти семи нянек из Белого дома, мои парни давно бы стерли с лица земли этот паршивый Вьетнам! Надо сказать, наши надежды на Никсона не оправдались.

— Военный переворот? — осторожно протянул Леланд Брамли. Его мясистая спина уже успела покрыться яркой краснотой. — Военные перевороты, насколько мне известно, генерал, популярны сейчас только в Черной Африке...

— Я не вижу другой возможности, — ответил Эдвард Смит, — да и не только я. Я всего лишь посредник. Война во Вьетнаме проиграна, а это — Рубикон свободного мира. Правительство штафировок завело Америку в тупик. Или военная диктатура, или окончательное поражение всей нашей системы. Язва коммунистической анархии уже разъедает Западное полушарие. Мы, сильнейшая держава планеты, не в состоянии сковырнуть красный прыщ у себя под носом, на Кубе! Вот вам, сенатор, результаты преступного злоупотребления демократией! Нет, только огнем и мечом, огнем и мечом, господа!

И генерал погрозил жилистым кулаком в направлении Гонолулу.

— Допустим, генерал, военная диктатура, — согласился Леланд Брамли. — Технически это не сложно, хотя, насколько мне известно, в Белом доме учитывают подобную возможность. Но, предположим, Комитету начальников штабов во главе с генералом Эдвардом Смитом удастся вычистить авгиевы конюшни Вашингтона. Моих доверителей интересует, что вы намерены делать дальше.

— Решительное продолжение войны до победного конца! — не задумываясь, ответил генерал. — Иного выхода не может быть. Дело и так зашло слишком далеко. Просто невероятно, что бы полуграмотные туземцы смогли разгромить отборные части лучшей армии мира. Последствия вьетнамской катастрофы сенатор, могут стать фатальными, и проказа либерализма разест весь организм! Если, конечно, вы, промышленники, не поддержите наш проект.

Генерал сел на цинковке, поджав под себя сухие ноги, поросшие седым волосом. Он имел полномочия на откровенный разговор и был уверен, что здесь его никто не смог бы подслушать с помощью самой совершенной радиоэлектроники. Серый катер с белой звездой и эмблемой войск морской пехоты Соединенных Штатов виднелся в километре от катамарана; течение относилось его к берегу.

— Я хочу, чтобы мои внуки рожали здоровых детей, генерал, — веско ответил Леланд Брамли, втягивая под тент красные голени. Он тоже сел, свесив над плавками розовые складки живота. Голос его был хорошо поставлен, все слова он произносил, четко выговаривая окончания, как профессиональный оратор. — Да и сам я еще хочу жить. Нам не победить во Вьетнаме без применения атомного оружия. Но русские в таком случае будут вынуждены вмешаться. Допустим, вы обрушите на Советы даже всю нашу ядерную мощь. У русских, однако, останется достаточно ракет в подземных тайниках и на подводных лодках, чтобы превратить Америку в

выжженную пустыню. Никакие убежища не спасут наших внуков от лейкемии, сэр!

— Причем тут атом? — удивился Эдвард Смит. — Ядерное оружие давно уже изжило себя, оно попросту устарело. Современную войну можно начать и выиграть без ракет, водородных бомб и прочей пиротехники, а с помощью всего лишь роты диверсантов, сэр!

— Рад, что вы так мыслите. А конкретно, что вы имеете в виду? Микробы и вирусы? Да, мне известно, поточная линия в Пайн-Блафер, штат Арканзас, содержится в готовности номер один и способна приступить к выпуску бактериологического оружия через несколько часов после получения приказа.

— Видите ли, дорогой Леланд, бактериологическое оружие — это палка о двух концах. Уже сейчас мы располагаем бактериями, которые в состоянии уморить весь земной шар. Но в том-то и дело, что именно вес! От этих бацилл еще нет прививок, а если они и будут изобретены, то вакцинация наших солдат и населения сразу сведет на нет фактор внезапности при нападении! Ведь прививки, как известно, делают заблаговременно...

— Избавьте меня от прописных истин, генерал! — перебил Леланд Брамли. — Я знаю, ваш конек — газы, а вы, разумеется, в курсе, что я представляю здесь интересы именно химической индустрии. Не думаю, что раскрою секрет особой важности, если скажу вам, что за последние десять лет Белый дом посчитал нужным выделить на программу подготовки химической войны всего лишь полтора миллиарда долларов. Разве можно сравнить эти крохи с тем золотым потоком, который орошает нашу ракетно-ядерную промышленность? Подобное положение угрожает национальным интересам государства!

Из-за дуги горизонта выплыл авианосец, похожий на перевернутый утюг. Быстро увеличиваясь в размерах, он заскользил к подножью Алмазной головы. Спустя несколько минут упругие высокие волны закачали катамаран: прозрачная синь заплескалась, забила в оранжевые поплавки судна.

Генерал свесил ноги в теплую воду и искоса взглянул на собеседника. Тот задумчиво закрыл глаза: длинные бакенбарды и крупный нос придавали сенатору вид благодушного пиквического джентльмена. Но большие челюсти были упрямо сжаты, подминая вялые толстые губы.

Медленно, словно обмеривая предварительно каждое слово, Эдвард Смит сказал:

— Видите ли, сенатор, на днях мне довелось участвовать в работе комиссии, которой было поручено сделать заключение по испытаниям химического оружия над Эджвудским полигоном.

— Да, знаю, штат Мэриленд, — промолвил Леланд Брамли и, открыв глаза, внимательно осмотрел жирную грудь. В рыжих волосах запуталась божья коровка. Сенатор осторожно снял ее, посадил на палец и дождался, пока насекомое, взъерошив крылья, поднялось в дрожащий зноем воздух.

— Она не долетит до острова, — предупредил генерал. — Ее съедят рыбы.

И, словно подтверждая его слова, о гладь океана чиркнул серебристый плавник.

— Во всяком случае, я выполнил свой долг! — засмеялся сенатор, и его добродушное лицо покрылось рябью веселых морщин. Потом,

сохранив морщины лишь в прищуре глаз, он сказал:

— Я решительный противник экзекуций над несчастными животными! Представляю, сколько вы уморили овец на пустырях Эджвуда! А что это нам дает? Необходимо проводить эксперименты над реальными объектами возможного применения. Причем, естественно, в большой массе, с тем чтобы можно было установить границы оптимального распространения определенных количеств газа и эффективность поражения. Я, знаете ли, абсолютно против всех этих нервно-паралитических новинок типа «эйч-би» или «си-би». Хороший газ должен не парализовать биомассу, а мгновенно ее убивать, не обладая при этом ни вкусом, ни цветом, ни запахом! И так же мгновенно самообезвреживаться. Причем сфера действия должна быть строго локальной в зависимости от заданных параметров. Например, от двух квадратных миль до двух миллионов, а если понадобится — и до двухсот.

— Понимаю вас, Леланд! — довольно произнес генерал. Он опасался, что еще долго придется говорить намеками. Но, судя по всему, старый маклер нефтяных магнатов Техаса и сам спешил поскорее приступить к горшке с кашей.

— Понимаю вас, Леланд! — повторил Эдвард Смит. — Именно такое оружие я и имел в виду. Однако есть два существенных «но». Во-первых, у нас в Штатах подобного газа, насколько мне известно, еще нет. А во-вторых, где вы найдете подходящую биомассу, достаточно объемную по численности и протяженности расселения? Причем такую, чтобы эксперимент мог контролироваться в условиях оптимальной секретности? Надеюсь, вы понимаете, что в противном случае наша встреча может оказаться пустой тратой времени. И, разумеется, ваших долларов — эти акулы действительно дерут немилосердно. На аэродроме в Гонолулу местные девушки нацепляют на вас венки из роз, а потом вам же потрошат карманы!

— Совершенно согласен! — усмехнулся Леланд Брамли. — И мы с вами, и наши доверители ни в коем случае не должны оказаться под юпитерами телестудии, генерал! Подобное паблисити может стоить нам жизни. Что же касается газа, то он у нас уже есть. Мы начали его производство в одном из наших европейских филиалов. Правда, пока в ограниченном масштабе. Ну а что касается испытаний на биомассе, то представьте это нашей фирме, генерал! Кое-какие шаги мы уже предприняли.

— Собрать бы на какой-нибудь островишко всех наших черных! — мечтательно протянул Эдвард Смит. — Вроде Бикини. Соединить, так сказать, приятное с полезным...

— Что ж, это здоровая мысль, генерал! — рассмеялся Леланд Брамли, и его лицо опять засияло мелкими лучиками морщин. — Весьма приятно, что наши мозги работают в одном направлении. Впрочем, не пора ли нам освежиться, старина? А потом продолжим нашу беседу. Я почему-то уверен, что мы с вами договоримся!

И прямо с борта катамарана он прыгнул в теплую бездонную синь, быстро вынырнул и поплыл вперед, разгребая руками океан. Генерал обогнал его спорым отработанным кролем, энергично рассекая головой холмы невысоких волн.

(Продолжение следует)